

Глеб Иванович Успенский

**Федор Михайлович
Решетников**

Глеб Успенский

Федор Михайлович Решетников

«Public Domain»

1874

Успенский Г. И.

Федор Михайлович Решетников / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1874

ISBN 978-5-457-04659-7

«...Он сел в чью-то лодку и стал грести вверх, но силы были слабы, лодку несло вниз и прибило к берегу. Здесь, сидя в лодке и доедая остаток хлеба, беглец мечтал и поглядывал на город, как вдруг на него налетел с ругательствами и проклятиями какой-то мещанин и принялся тузить — не на милость, а на смерть. На лице была кровь, голова страшно болела, волосы лезли. Скоро вслед за мещанином явилась целая флотилия бурсаков, разыскивавших беглеца, и когда последний убежал от них, они настигли его, связали и безжалостно поволокли по кочкам в бурсу, награждая палочными ударами! В заключение этого тиранства беглецу, по возвращении в бурсу, была задана баня, после которой Решетников пластом пролежал в больнице два месяца. ...»

ISBN 978-5-457-04659-7

© Успенский Г. И., 1874

© Public Domain, 1874

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глеб Иванович Успенский Федор Михайлович Решетников (Биографический очерк)

I

Федор Михайлович Решетников родился в г. Екатеринбурге, Пермской губернии, 5 сентября 1841 года. Отец его до женитьбы служил в этом городе дьячком и вел нетрезвую жизнь. Чтобы избавить его от гибели, родной брат, женатый и служивший в екатеринбургской почтовой конторе, женил его на дьяконской сироте, девушке тихой и кроткой, после чего отец Ф. М. вышел из дьячков и поступил также в почтальоны, но пить все-таки не перестал и жил с женой до того плохо, что, когда брат его с женой переехали в Пермь, мать Ф. М., которому было в ту пору около девяти месяцев, не выдержала тяжелой жизни и вскоре ушла вслед за ними.

В Пермь она пришла во время страшного пожара и так была этим испугана, что заболела и умерла; девятимесячный мальчик остался на попечении дяди и тетки; отца же своего он *первый раз* увидал, будучи уже *десяти лет* от роду.

Таким образом, Ф. М. начал жизнь круглым сиротой. Но кроме сиротства, ему почти со дня рождения суждено было испытывать непрерывное влияние материальной бедности и великой нравственной забитости, запуганности окружавшей его среды. Бедность материальная в этом кругу была поистине потрясающая. В переписке близких к Ф. М. лиц, в письмах его самого к ним почти постоянно идут жалобы на крайне стесненное материальное положение: «А об огурцах, – как бы в отчаянии неоднократно восклицает дядя Ф. М., – и не поминай!..» «Живу, плачу огромную сумму без чаю, а с чаем нехватает моего жалования...» «Лечиться времени нет, – пишет родной отец Ф. М., – а о таком расходе, чтобы покупать масло (для леченья), дорого; почтмейстер денег не дал!..» «Не можете ли вы одолжить мне три копейки на пиво, *ежели у вас есть?*» – пишет к Ф. М. его знакомый и друг, а другой весьма серьезно доказывает, что на пятнадцать рублей *в год* жить нельзя. «*Живем между нищими и средними*», – определяет свое положение в одном из писем дядя Ф. М., и определение это вполне верно.

Кроме бедности, всех этих людей крепко пригнетала запуганность перед начальством, которое в сущности хотя и возвышалось над ними не более как на вершок, но могло сделать все, что хотело. В немногих письмах бедного отца Ф. М. эта сила маленького высшего начальства рисуется довольно ярко: «*Не знаю, за что преследует почтмейстер с самого моего прибытия. Живу как должно; как у денщика или у крепостного, сюртук не слезает с плеч... Я месяца с три всяко вытягался для почтмейстера, а он меня так уважил... что лучше нельзя... А живу как денщик...*» «Покорно прошу, любезный братец, – говорится в конце того же письма, – чтобы письмо это не узнал кто дальше, не услышал бы почтмейстер наш, *то он меня съест*». Или в другом письме: «Почтмейстер просит, чтобы меня (отца Ф. М.) перевели к нему; *но сохрани меня небесная сила от такого ига; он там вдосталь из меня оставшийся сок вытянет*». Отрывки эти мы привели потому, что в них с полной искренностью высказана та беспомощность перед маленьким высшим начальством, которую испытывали все близкие родственники Ф. М. Все они «вытягаются» перед этим начальством, а начальство из них «вытягивает оставшийся сок», и притом *неизвестно за что*. Все они ходят как сонные, забитые и убитые... «Так и живу, ни здесь, ни там, ни здоровый, ни больной... а

лечиться времени нет... *поэтому* прошу, любезный братец, выпросить у Г. Т., *как пить крепкую водку...*»

Подавленный бедностью, забитостью, этот круг людей «*между нищими и средними*» во всем полагался только на бога, на всевидящее око, о котором в переписке родственников и знакомых Ф. М. упоминается чуть не в каждом письме, и главным образом – на *терпение*. «И верно уже такой рок, – находим мы в письме одного из самых *начитанных* людей этого круга, – что все предвидится только сражаться с терпением, и *хорошо бы было и то, ежели бы тому хотя предвиделся конец*, но ожидать того, по *моему мнению*, не предвидится никакой надежды».

Мы могли бы привести здесь множество примеров, доказывающих громадную, железную силу терпения и глубокую, искреннюю преданность провидению, которыми только и поддерживалась кое-как эта забитая и вконец обезличенная среда; но и приведенных выписок уже достаточно, чтобы видеть, в какой мере среда эта могла благоприятствовать умственному развитию Ф. М.

II

Дядя и тетка Ф. М., ставшие его воспитателями, всецело разделяли как материальные, так и нравственные недостатки своего круга, с тою только разницею, что сам дядя-воспитатель смотрел на свое положение несколько определеннее других. Он не позволял себе иметь «мнений», хотя бы и о том, «что хорошо бы, ежели бы терпению предвиделся конец»; не унывал так, как унывал отец Решетникова, не знавший, *«за что-»* все это суждено нести. Никаких колебаний мысли в воспитателе Ф. М. не было: из материалов, имеющихся у нас, видно, что человек этот раз навсегда порешил, что надеяться надо только на бога, что бедность и подневольность неизбежны и что терпению конца не будет. Порешив с этим, он всю жизнь, неуклонно и не оглядываясь по сторонам, тянул служебную лямку, тяжким трудом зарабатывая кусок хлеба, и, приняв на свое воспитание маленького Решетникова, не мог воспитывать его иначе, как в приучении к тому же терпению, повиновению, искренно веря, что для него, как для сироты, предлежит та же самая тяжелая забота о куске хлеба и та же самая жизнь «между нищими и средними», в которой «терпение» играет первую роль.

На беду, питомец их с первых дней детства оказался мальчиком бойким, веселым, резвым, обнаруживая необыкновенную впечатлительность.¹ И с первых же дней обнаружения этой резвости воспитатели, побуждаемые, разумеется, не чем иным, как только желанием своему питомцу добра, стали искоренять эти врожденные в нем и непригодные среди скучного влачения жизни качества. И вот, благодаря тому, что Решетников уродился натурою одаренной, и тому, что одаренные натуры в этом кругу действительно совершенно ненужны, целые *десять* первых лет посвящены, со стороны воспитателей, самому тщательному и неусыпному *битью* и *дранью* их воспитанника. Кроме желания ему добра, повторяем, этими бедными людьми не руководило ничто другое; но в то же время нельзя не видеть, что это желание добра выражалось способом поистине варварским. В повести Ф. М. «Между людьми» автор, поместивший в ней множество случаев своей жизни, рисует картину своего детства весьма подробно и обстоятельно, и, читая их, нельзя не дивиться необыкновенной выносливости Решетникова. Били его положительно *за все*, и притом *все*, кто хотел и считал нужным, а иной раз и без всякой надобности. Ребенок везде «лез», и колотили его тоже везде. Дядя принес лубочную картину и стал рассматривать, воспитанника разобрало любопытство, он потянул картину к себе и разорвал пополам... «За это дядя меня так ударил, что я ударился головой об пол; изо рта пошла кровь». Одна «Священная история ветхого и нового завета» с картинками, книга, единственная во всем доме, сколько неисчислимых бед причинила Ф. М. Картинки постоянно привлекали к ней маленького Решетникова, и постоянно, аккуратно каждый раз, как только книга попадала ему в руки, он непременно получал удар этой же книгой в голову. Чтобы отделаться от нее, он засунул ее в печку; книгу вытащили, но за это, – говорит Решетников, – *«дядя долго драл меня ремнем»*. Били его также и за то, что он любит сказки, а не молится за отца и мать, которых он никогда не видал. Захочет он, например, подделаться к дяде, оказать ему услугу, чтобы поехать за Каму «рыбачить», примется чистить ему сапоги, чистит и старается до тех пор, пока тетка не выхватит из его рук щетки и не ударит его по голове. За такие же провинности колотил его весь почтовый двор, где он, так же как и дома, всюду лез, чтобы посмотреть, нет ли где «хороших картинок, хороших книг с картинками?» «Мне нравилось, – говорит он, – все, что я видел в *первый раз*, – *мебель, платье*, и вещь, особенно понравившуюся, я норовил припрятать». Недовольные им, проучив его у себя, на месте преступления, шли, кроме того, жаловаться к воспита-

¹ Это свойство натуры перешло к Решетникову, повидимому, от матери; она заболела и умерла *от испуга*.

телям, которые еще раз учили его за шалости у чужих. «Пес», «ножовое вострее», «балбес», «безрогая скотина» – вот названия, которым величали его в это время все.

Словом, не будь натура Решетникова исключительна, он бы давно мог сделаться вполне забитым, заколоченным ребенком; но у него, в отместку за обиды, развелась злоба и жажда мести. Впоследствии он сам, вспоминая об этом времени, называет себя – «злое дитя». И действительно, природная даровитость его показала себя в выдумывании удивительнейших мерзостей, которыми он мстил. Ему ничего, например, не стоило засунуть в квашню или кадку с водой дохлую кошку, измазать в грязи чистое, развешанное белье, вытащить из самовара кран, забросить его через забор и распясть самовар. Он сделался истинным божеским наказанием целому двору, истинным врагом всем и каждому; вскоре ему не было другого имени, кроме «вор», «поганая рожа»; его вихры, уши и щеки сделались общим достоянием. Били и ругали все, и он ругал всех, воевал со всеми, запуская камнями, кусался, бил врагов «по лицу», – и в то же время не уставал изобретать еще новые и новые пытки врагам своим. «Лишь только отдерут меня, – говорит Решетников, – я сяду куда-нибудь в угол и думаю: что бы мне еще такое сделать? да так, чтобы не узнал никто?»

III

Это обоюдное безобразие тянулось, как мы уже сказали, десять лет. По временам на маленького Решетникова находили минуты ужаснейшей тоски, он плакал и Думал о том, чтобы «убежать отсюда». Десяти лет (1851 г.) его отдали в бурсу, и, стало быть, к битью воспитателей и соседей прибавилось еще битье училищное, школьное. Переносить все это стало уже решительно невозможно, и тайное желание избавиться от этого мучения определилось в Ф. М. как настоятельная необходимость – «бежать». И скоро Решетников действительно убежал. Прямо из бурсы он ушел на колокольню и просидел здесь целый день с раннего утра. К ночи его охватил страх; он убежал с колокольни на реку и здесь ночевал. «Поутру, – говорит Решетников, – я ходил как помешанный от голода». В каком-то рыбацьем шалаше нашел он полковриги хлеба, взял его себе, и тут же, не зная зачем, повертел в лодке дыру, распластал невод, обрезал несколько удочек. «Этот день я провел хорошо, – говорит он в упомянутой повести, – прогуливаясь по траве и по лесу и напевая песни. Я радовался, что я на свободе, что меня никто не стесняет и я могу делать все, что только хочу. Я торжествовал над тем, что я один из всех бурсаков убежал далеко, что их дерут... «Пусть вас дерут!» – говорил я громко и хохотал. Я очень был счастлив и счастливее себя не находил человека; я думал: «А как хорошо! Ни за что я не пойду отсюда никуда, ни за что не пойду... Я и к дяде не пойду!» Мне ничего не нужно было, хотя и казалось мне, что в каждом кусте дерева кто-то сторожит меня, а на некоторые кусты я даже и смотреть-то боялся. Когда проходил мой страх, я думал: а хорошо бы здесь построить дом. Я бы тогда дядю и тетку взял с собою жить, они *не стали бы меня бить*... Потом мне вдруг захотелось плыть куда-то дальше». Он сел в чью-то лодку и стал грести вверх, но силы были слабы, лодку несло вниз и прибило к берегу. Здесь, сидя в лодке и доедая остаток хлеба, беглец мечтал и поглядывал на город, как вдруг на него налетел с ругательствами и проклятиями какой-то мещанин и принялся тузить – *не на милость, а на смерть. На лице была кровь, голова страшно болела, волосы лезли*. Скоро вслед за мещанином явилась целая флотилия бурсаков, разыскивавших беглеца, и когда последний убежал от них, они настигли его, связали и безжалостно поволокли по кочкам в бурсу, награждая палочными ударами! В заключение этого тиранства беглецу, по возвращении в бурсу, была задана *баня*, после которой Решетников пластом пролежал в больнице *два месяца*.

Но этим дело не кончилось. Потребность бегства не умерла в Решетникове. Несмотря на всевозможные истязания, лежа в больнице, он уже обдумывал план нового бегства, и действительно, как только поправился, убежал опять. Прежде всего он отправился на так называемую «Мотовилиху» – завод, отстоящий от г. Перми версты за три. Бурсацкий сюртук свой он бросил в воду, чтобы не узнали, что он бурсак, вымазал грязью лицо, рубашку, панталоны и пошел по заводским домам и кабакам просить хлеба, «христа ради».

– Чей ты, парнюга? – спрашивали его.

– Материн, – уклончиво отвечал бегун.

Долго он шатался здесь между простым народом и мастеровыми, которые давали ему кров и кормили его. «Много, – говорит он, – увидел я здесь хорошего; мне так понравилась простота ихняя, что я хотел на всю жизнь остаться у них...» Много в то же время он увидел и дурного, особенно в быту нищих, с которыми он невольно должен был столкнуться, как человек, бродящий без пристанища, которые, наконец, просто насильно таскали его с собою, заставляли плясать, поили водкой. Бывали минуты, когда он кричал и просил встречных, чтобы кто-нибудь спас его от них; но никто не давал помощи. На работу его принимали без имени, а имя свое он скрывал. «И бог знает, что бы было со мною, если бы не спасла меня одна женщина». Женщина эта, часто бывавшая у дяди в городе, узнала беглеца и привела

домой. «Дело известное, что было после этого», – заканчивает Решетников историю этого побега, намекая на неизбежное дранье.

Эти два побега имели и на мысль и на характер Решетникова самое существенное влияние: во-первых, он познакомился с народной жизнью, узнал в ней *дурное и хорошее*, что дало много пищи его любознательному уму, который до настоящего времени истощался только на изобретение «злых проделок», – и во-вторых, за этими побегами неизбежное возвращение опять к тем же мучительным истязаниям и скуке заставило его сильно призадуматься о своей печальной судьбе и судьбе окружавших его людей. Целый год после второго бегства он провел в доме дяди, сидя в углу за дверью и думая о себе и своем прошлом, и здесь впервые зародилась в нем та симпатичная и дорогая черта его будущих произведений, которая определяется простым словом – *«правда»*. Всеобщая ненависть, которою он был окружен после второго побега, и одиночество, как последствие этой ненависти, были так сильны, что подавили в бедном ребенке всякую возможность быть злым, а пробудившаяся мысль привела его к полному раскаянию перед всеми, кому только он делал что-нибудь худое. В нем начался процесс глубокого внимания к окружающим, близким к нему людям, принимавший благотворное направление *прощения их*. Понятно, что такая масса несчастья, хотя бы в виде всеобщего презрения, такая масса новых мыслей, полная беспомощность в разрешении их, отсутствие какого-нибудь утешения до того измучили душу мальчика, что часто, сидя в своем углу, он рыдал. И в это-то время вдруг ему говорят, что он увидит своего отца, в первый раз. Не видя его никогда, он теперь, одинокий и всеми обиженный, возлагал на своего отца великие надежды, радости его не было предела.

И вот однажды вечером, когда Ф. М. уже лег спать, дядя привел с собою какого-то человека в почтальонской одежде, обрюзглого, с отеком лицом. Человек этот постоянно болезненно кашлял и рассказывал о том, как он несчастлив, как к нему несправедливы, как его бьют. «Ты не поверишь, – говорил он дяде, – что этот смотритель каждый день топтал меня ногами, бил меня в грудь...» Страх и радость охватили Решетникова при виде отца, но когда сын подошел к нему, бедный отец не знал, что сказать... «Большой вырос», – произнес он. – «Что же ты не целуешь отца?» – «Да что мне его целовать-то?...» И больше ничего. На другой день, разговорившись с теткой о сыне, отец упрасивал ее: «Дери ты его, что есть мочи дери». Когда ему предложили взять сына с собой, он отвечал: «Куда мне с ним?.. не надо! мне и одному горько жить». Уезжая совсем, он мог сказать сыну только: «Ну, прощай! слушайся!» – и пошел прочь. «Мне тяжело было, – говорит Ф. М., – что отец уехал, а я не высказал ему своего горя».

Таким образом, встреча с отцом не только не облегчила души маленького Решетникова, но, напротив, уяснив ему полное его сиротство и одиночество, сделала его еще более несчастным в своих глазах. Он так был подавлен всеми событиями последних лет, что на него напала апатия, равнодушие ко всему – и к науке и к порке. Он словно окаменел. Бежать он уже не думал, а когда драли (он опять стал с некоторого времени ходить в училище), какое дранье производилось аккуратно в конце каждого месяца, то он старался только стать в конце шеренги, предназначенной к сечению, потому что к концу ее сторож уставал. Иногда он отделялся гривенником, который зарабатывал, занимаясь в почтовой конторе составлением крестьянам писем, что тоже немало помогло ему узнать народную жизнь. От учителей он отделялся тоже своего рода взятками: он отправлял им задаром письма (благодаря дяде), доставлял письма, полученные на их имя, а главное, что впоследствии обрушилось на его голову целою грудой несчастий, таскал тайком с почты газеты, каковое таскание учителя поощряли тем, что оставляли измученного ребенка в покое. Такое апатическое состояние продолжалось довольно долго, и, не имея попрежнему никакой поддержки, возбужденная предшествовавшими обстоятельствами мысль его могла бы заснуть понемногу и принять общее направление мыслей бедного, запуганного класса людей, его окружавших; но одно

неожиданное обстоятельство не дало возможности умереть раз пробужденной мысли, хотя и разразилось над ним жестоким образом.

Неожиданно открылась покража газет и журналов в почтовой конторе. Таская эти газеты и конверты,² он, по прочтении их господами учителями, имел обыкновение забрасывать их чрез соседний забор в снег; бывали случаи, что он со страху забрасывал туда пакеты, не рассматривая и не читая их, и в числе таких-то нечитанных пакетов забросил один весьма важный манифест (1855 г.). Дело было нешуточное, виновника разыскали и предали формальному суду (Ф. М. был четырнадцатый год). Дело тянулось два года.

Что же должен был чувствовать бедный Решетников, сидя эти два года в том же углу, за дверью? Сознание собственной виновности, пробудившейся, как мы уже упоминали, после первого побега, здесь возросло до высшей степени. Еще тогда, познакомившись с настоящей нищетой, от которой, как мы видели, он кричал и просил людей *спасти его*, – Ф. М. стал чувствовать себя глубоко виноватым перед воспитателями, которые, несмотря на свою бедность, ограждают его от этой нищеты, его, не имеющего ни отца, ни матери и, кроме зла, ничего не сделавшего для своих благодетелей. В самом деле, сколько переплатил бедный дядя Ф. М. за эти распаянные самовары, за украденные вещи, квашни, опоганенные всунутой туда кошкой? И тогда уже Ф. М. насчитывал на своей душе великое множество грехов и зла; что же должен был он чувствовать теперь, ежеминутно видя перед собою дядю, который лез из кожи, тратил последние копейки, чтобы помочь делу своего «злого» дитяти?

Эгоизм Ф. М. был совершенно раздавлен, разбит этим происшествием; на ругательства тетки он отвечал рыданиями и *бог знает, как был готов благодарить ее*; он удивлялся, как дядя и тетка *не боятся* держать его у себя. Он старался душою и телом услужить им, носил дрова, воду, исполнял все, что они ни прикажут.

Это происшествие, этот удар, как ни был он тяжел и неожидан, вывел Ф. М. из начинавшей одолевать его апатии, пробудил его мысль, снова обратил ее на путь внимания к человеческим поступкам. Сделав своим родным такое зло, какого ни один из них не думал делать ему, он со времени этого происшествия навеки сохранил великую и дорогую потребность – не осуждать ближнего, не верить личному впечатлению, если оно нехорошо, а разбирать его беспристрастно, правдиво, не урезывая в нем ни малейшей черточки.

Это была самая дорогая минута в развитии Ф. М. Мысль его была возбуждена до высшей степени. В самом деле, чтобы от ненависти к врагам дойти не только до прощения их, но даже до боязни, как они могут его держать, оправдать их и благодарить со слезами, – мысль маленького Решетникова должна была коснуться массы общественных вопросов, должна была работать над всем механизмом окружавшей его жизни. Минута, повторяем, была драгоценная для самого плодотворного восприятия знания.

Но минута эта пропала даром, как впоследствии пропадало много еще таких минут; жизнь Ф. М., как бы на зло, постоянно и настойчиво не давала ему того, чего нужно, и надо удивляться, как еще уцелело в нем то непосредственное чувство правды, какое после многих лет тяжких испытаний с такою силою проявилось в его произведениях.

² В числе причин, объясняющих это таскание газет, Ф. М. между прочим упоминает о том, что ему *нравилась форма* конвертов, *гладенькая* бумажка, хороший почерк на конверте. Поощрения учителей сделали это баловство необходимою, а потом привычкою.

IV

Уголовное дело, измучившее как самого Решетникова, так и его родственников, кончилось ссылкой виновника в Соллхамский монастырь на епитимию. Пребывание в этом монастыре было весьма неблагоприятно для хода развития Решетникова. Ехал он сюда, как сам говорит в одном месте записок, «с радостию печальною». Покидая, хоть и на время, место стольких страданий, можно было действительно ощущать некоторую радость, но печаль и раскаяние заглушали ее. Ф. М. рыдал, обливался слезами, расставаясь с своими воспитателями, и не переставал питать к ним глубокой преданности, называя их в записках своих «единокровными, милыми родственниками», «защитниками, *которые хотя и надоели своими ворчаньями, но все-таки всегда лучше знаменитых властителей земли*». Задумавшись, в это время было поступить в монахи.

Этим прекрасным возбуждением мысли Ф. М. родственники и воспитатели его не только не успели и не могли воспользоваться, не только не направили к знанию, но даже просто не дали своему воспитаннику опомниться, одуматься, отдохнуть. Квартирные хозяева, тоже приходившиеся ему родней, у которых он поселился в Соликамске, кроме бабушки, старой и больной, которая любила рассказывать своему внуку сказки, чуть не с первого же дня приезда не упускали случая упомянуть ему о его деле, грубо затронуть каким-нибудь грубым упреком. То, например, хозяйка квартиры советует своему мужу (родственнику Ф. М., служившему тоже по почтовой части) не класть его спать в конторе, «а то он украдет пакеты»; то упрекают его в том, что он даром живет, курит хозяйские папиросы. От этих новых хозяев Решетникова не отставали и старые его воспитатели, к которым он в настоящую минуту питал такие благодарные чувства. Они именно принялись, что называется, *бить лежачего*, хотя, не скроем, все с тою же целью и желанием ему добра. В каждом письме непременно идут вопросы о том, «не нужно ли тебе (то есть Решетникову) чего-нибудь? есть ли чай? доволен ли? сыт ли?» Но зато самая большая часть этих писем посвящена самым жестким и оскорбительным упрекам за прошлое. «Подумай, – пишет ему воспитатель вслед за приездом Решетникова в монастырь, – чтобы тебе кончить курс ученья; знай, что ты, не кончивши курс, нигде не можешь поступить на службу коронную и должен записаться в податное состояние, а после того, по приговору общества и злых людей, отдадут тебя в военную службу, и тем опозоришь природу мою. Ты, имея дядю, который с детства твоего пекся о твоем благополучии и *науках*, не пощадил его! Даже и теперь еще пекусь, чтобы тебе доставить счастье; но если ты этого не чувствуешь, *то накажет тебя всевидящее око* за обиды, мне нанесенные, и тем сокращаешь дни моей жизни».

Такого-то рода упреки, приходившие к нему в письмах чуть не каждую почту, не могли повлиять благотворно на его мысль; впечатлительность Решетникова начинает как-то грубеть от этих слишком уже частых толчков, и он по необходимости начинает примиряться со многим, с чем незадолго перед этим честно настроенная мысль его ни за что бы не примирилась.

«Когда я жил в Перми, – пишет он в своих записках, – я имел величайшее хотение, чтобы мне остаться в монастыре; но в Соликамске я в одну неделю познал нечестие монахов, как они пьют вино, ругаются, едят говядину, ходят по ночам, ломают ворота».

В другом месте тех же записок он пишет: «Жизнь моя стремилась к истинному познанию, чтобы быть истинным христианином, но ожидания мои не исполнились; я ходил каждый день в монастырь и смотрел на их образ жизни, и все они, кроме... (имена четырех монахов), не похожи на монахов и делают разные непристойности». В доказательство этих непристойностей Решетников приводит разговор:

«— Есть у тебя чем опохмелиться?

- На вот, я уж выпил все.
- Неужели ты в ночь выпил ведро пива?
- Да, у меня вчера был дьякон, и мы с ним погуляли славно!
- Ай да славно, проклятые, вы пируете, нет чтобы мне оставить!»

Сцены, приводимые Решетниковым, действительно не особенно привлекательны, но сам он так утомился от оскорблений и жизненных ударов, что готов был искать отдыха и в этом, не совсем опрятном, обществе и мало-помалу стал проникаться его интересами. Учиться уже он не хочет; хотя его и принимают вновь в училище, но он не идет, он начинает якшаться с почтальонами, ходит с ними, в *почтальонском сюртуке*, собирать *новогоднее* и выпрашивает этим хождением деньги, сначала один рубль пятнадцать копеек, потом сорок пять копеек. На эти деньги, не умея еще истратить их так, как тратили новые его знакомцы, он покупает себе помады, за каковой покупкой следует тотчас же грозное внушение от родственников.

«Осведомился я, – пишет воспитатель, – что ты взял в привычку шататься и в карты играть с почтальонами, и *примазываться помадой*, и свадьбы смотреть, а за этим откроются и другие пакости, за которые ты подвергнулся хотя и не тяжкому, но все-таки наказанию и *до смерти твоей нарицанию и пороку*. Не лучше ли тебе было и будет заниматься науками, или ты хочешь быть и вести жизнь в дурацком положении, которое для тебя будет лучше, – выбирай то или другое. Я уж не могу тебе дать заочно какое-либо наставление, потому что ты и в глазах моих» вот как уже насолил, что я по гроб не должен позабыть сделанные тобою пакости, за добродетель мою, мое воспитание и хорошее содержание... Впрочем, ведь ты мне родной, и я еще не имею каменное сердце...»

Но как ни часты и ни энергичны были эти громы, они уже не могли отклонить Решетникова от удовольствия, которое он стал находить в обществе хотя и грубых людей, но в то же время таких, которые не оскорбляли его за прошлое (один монах, узнав его историю, даже расцеловал его), которые смотрели на него не только как на равного, но и как на человека, развитого больше, нежели развиты они. И вот начинаются у Решетникова с этими людьми дружба и панибратство. В дневнике его мы поминутно встречаем страницы, весьма ярко характеризующие этот период жизни Решетникова.

«13 числа 1857 года был на похоронах у станового пристава первого стана, у которого умерла мать Мария. Казначей позвал меня, чтобы я держал ризы, а Ивану не велел ездить, и я простоял обедню. По окончании литургии протоиерей К – в сказывал проповедь, похваляя жизнь новопреставленной усопшей Марии... С кладбища мы, то есть я и... (здесь имена нескольких монастырских послушников), возвратившись в квартиру станового, сели за одним столом. Потчевали меня и ерофеичем и простой водкой. Тут еще В. прятал вино простое под стол, а И. почти один выпил графин ерофеичу, и уже пьян очень был, и они с М. кричали всю дорогу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.